

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

в соседних с Ферганой районах Средней Азии существование христианских общин (несториане, яковиты, мелькиты) зафиксировано с IV и вплоть до XIII в.¹⁷ Являясь новым историческим источником, индикация в Андижане будет способствовать дальнейшему изучению экономических и культурных связей Средней Азии и Византии.

¹⁷ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, стр. 1—32; Г. А. Пугаченкова. Хороба-Кошук. Изв. АН ТуркмССР, 1954, 3, стр. 15—19; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг. Тр. КАЗЭ, II, М., 1959, стр. 231—233; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пшанджикентских храмов). Сб.: «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 35—37; ОАК за 1892 г., стр. 73—74 (находка Н. Н. Пантусова); Труды Восточной комиссии Московского археологического общества, I, М., 1889, стр. 32, № 131; стр. 34, № 167.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ФЕРГАНЕ

Тюркские племена и созданный ими каганат сыграли большую роль в истории Средней Азии и Сибири. Изучению истории и культуры тюркских племен Алтая, Монголии и Южной Сибири много сил и труда отдал крупнейший советский ученый С. В. Киселев¹, который указывал, в частности, на важную роль Семиречья в сложении древнетюркской рунической письменности². В этой связи определенный интерес представляют новые материалы, добытые в последние годы в Ферганской долине.

Весной 1961 г. в восточной Фергане было обнаружено древнее погребение на поселении Дальверзин, расположенном на левом берегу р. Кара-Дарья, возле сел. Аим. В южной части холма поселения находится современное узбекское кладбище. По рассказам местных жителей, при открытии могилы они наткнулись на захоронение человека, возле которого лежали обломки седла с металлическими оковками, железные стремена и другие вещи. Осенью того же года мы обследовали указанное место и на поверхности кладбища нашли два железных стремена, часть железных удил (?) и обломок железного предмета неопределенной формы в виде круглого в сечении стержня.

Наибольший интерес представляют стремена (рис. 1, 1, 2) с плоской широкой подножкой, усиленной продольным ребром. Верхняя петля их обломана. Железный изогнутый стержень с кольцом, вероятно, является частью железных эсовидных удил (рис. 1, 3). Назначение третьего предмета установить невозможно.

Стремена, найденные на Дальверзине, близки по форме найденным при работах на Ташкентском канале³ и стременам из захоронения с конем, открытом около обсерватории Улугбека возле Самарканда⁴. Сходны они и со стременами из захоронений с конем в Семиречье⁵. Стремена этого типа были широко распространены в VI—VIII вв. на обширной территории Южной Сибири и Монголии⁶. Они являются характерной принадлежностью захоронений с конем тюркского периода. И поэтому, несмотря на отсутствие данных об устройстве могилы и погребальном об-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; его же. Южная Сибирь в VII—IX вв. «Очерки истории Сибири». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958.

² С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргызов. КСИИМК, XXV, 1949.

³ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, 3, рис. 11.

⁴ В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Тр. Музея истории УзССР, 1, Ташкент, 1951, стр. 37, рис. 3.

⁵ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, стр. 77, 81, табл. XLVI.

⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 518.

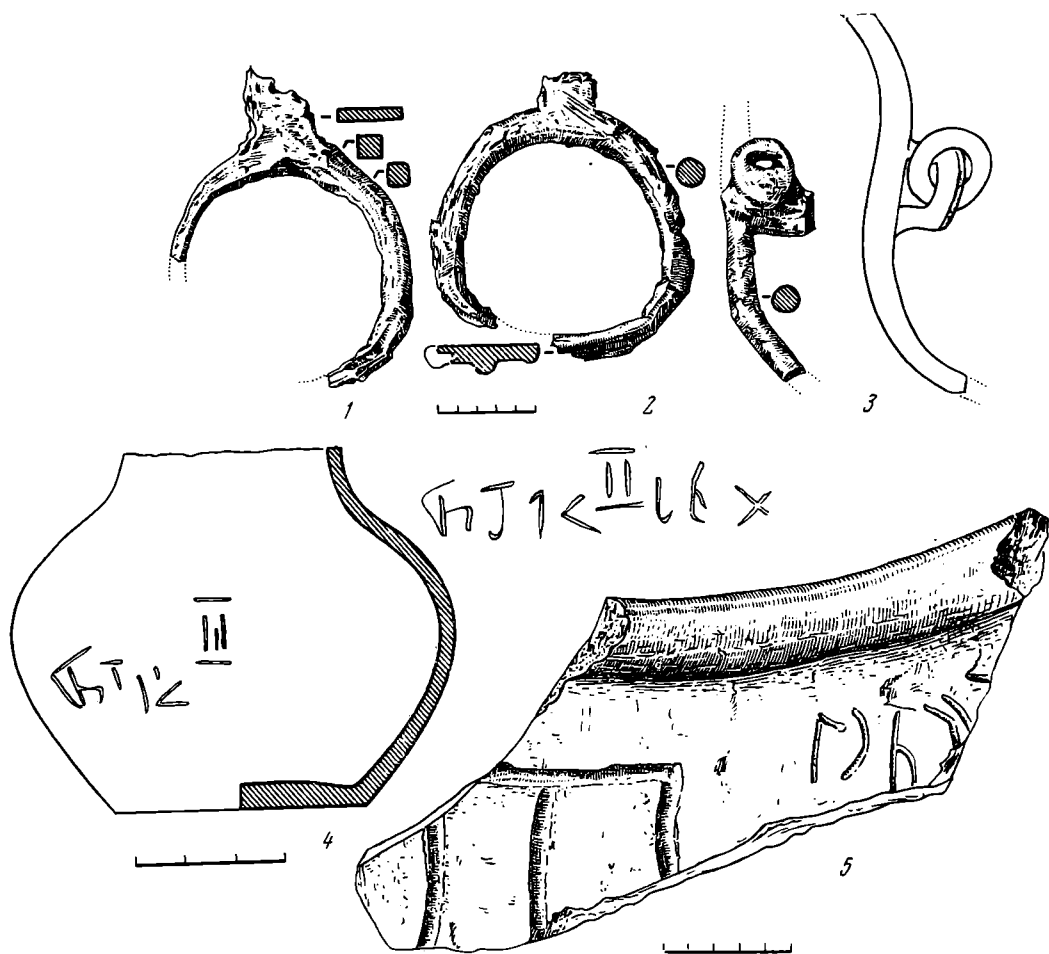

Рис. 1. Находки на территории Ферганской долины

1, 2 — железные стремена из Дальверзина; 3 — псалий из Дальверзина; 4 — сосуд с рунами из района Шурабабата; 5 — фрагмент хума с руническими знаками из Шамирза-Тепе

ряде, дошедшие до нас вещи позволяют полагать, что на Дальверзине выявлены остатки погребения тюркского времени. Подобные погребения редко встречаются на территории Средней Азии, и Дальверзин является всего третьим пунктом в среднеазиатском междуречье.

Обряд захоронения с конем типичен для алтайских племен, входивших в состав тюркского каганата, и с Алтая он распространился в соседние области. Наличие подобных захоронений в Средней Азии и в Фергане следует рассматривать как результат прихода сюда чужеземного населения. В настоящее время захоронения с конем встречены в Средней Азии в следующих районах: Центральный Тянь-Шань⁷, котловина Иссык-Куля⁸, Чуйская⁹ и Таласская долины¹⁰, Ташкентский оазис¹¹, долина Зеравшана¹² возле Самарканда и на Памире¹³. К этому перечню теперь можно добавить и Ферганскую долину. На северо-востоке Средней Азии

⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952.

⁸ Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. Тр. ККАЭЭ, II, М., 1959.

⁹ А. Н. Бернштам. Чуйская долина; Я. А. Шер. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, 1961, 1.

¹⁰ Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

¹¹ А. И. Тереножкин. Ук. соч.

¹² В. И. Спришевский. Ук. соч.

¹³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки...

эти памятники встречаются чаще, и там известны большие могильники, в то время как в юго-западных областях обнаружены лишь единичные захоронения. По-видимому, в это время юго-западные области не были местами продолжительного обитания тюрков.

Иное положение было в Фергане. У нас имеются прямые указания письменных источников о наличии и политическом господстве тюрков в Фергане в VI—VIII вв.¹⁴ Один из представителей этих тюркских племен и был, очевидно, погребен в Дальверзине.

Археологическим свидетельством пребывания в Фергане тюрков служат два каменных изваяния, обнаруженные в районе сел. Гульча в Алае¹⁵. Обычай установки их характерен для культуры именно тюркских племен¹⁶. Находка в районе Гульчи является наиболее юго-восточным пунктом распространения в Средней Азии каменных изваяний тюркского времени.

Самым неоспоримым доказательством существования тюркоязычного населения в Ферганской долине являются эпиграфические материалы. Всего в Фергане известно 12 находок древнетюркских рунических надписей: 1) обломок венчика сосуда с шестью знаками найден на развалинах Калаи-Кафир на левом берегу р. Исфары, к юго-западу от г. Исфары¹⁷; 2) фрагмент венчика большого сосуда с тремя рунами, нанесенными до обжига сосуда; найден в культурных наслоениях замка Калаи-Боло к югу от г. Исфара¹⁸; 3) фрагмент сосуда с двумя рунообразными знаками, найденный на поверхности Калаи-Боло¹⁹; 4) фрагмент венчика хума с надписью, нанесенной до обжига, с древнего поселения возле сел. Кизил-Пиялу (в 9 км к северу от г. Исфара)²⁰; 5) фрагмент венчика хума с рунической надписью, нанесенной до обжига; найден вместе с согдийской монетой Тархуна (700—710 гг.) в одной из комнат поселения Ак-тепе в 2 км к северо-востоку от сел. Кара-Булак в Баткенской долине²¹; 6) фрагмент венчика хума с пятью знаками, врезанными до обжига; найден на развалинах замка Ош-Хона к юго-востоку от г. Ферганы²²; 7) фрагмент венчика хума с тамгообразным знаком и шестью рунами; найден на тепе в сел. Шамирза, в 10 км к северу от Маргелана; хранится в Ферганском областном музее (рис. 1, 5); 8) небольшой хум, на внешней стороне венчика врезана надпись из 12 знаков, по палеографическим данным отнесена к первой половине VIII в.²³ (хум с остатками захоронения обнаружен в насыпи одного кургана в Янгиабадском могильнике, в 10 км от г. Ферганы); 9) небольшой сосуд с выпуклым туловом и узкой горловиной (высота 7,2 см) с руническими буквами (сосуд покрыт коричневым ангобом). Найден вблизи городища Шурабашат к северо-западу от Узгена. А. Н. Бернштам в 1956 г. во время осмотра сосуда в Ошском областном музее установил, что надпись сделана древнетюркским руническим письмом. С этим определением согласились И. Эрдейи и С. Г. Кляштор-

¹⁴ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.

¹⁵ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, рис. 89, 90.

¹⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 509, 528; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952; Я. А. Шер. Иконография древнетюркских изваяний. ИАН КиргССР, V, 1, 1963, сер. обществ. н.

¹⁷ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955, стр. 169, рис. 85, 86.

¹⁸ Там же, стр. 120—121, рис. 59, 1; 60, 2.

¹⁹ Там же, стр. 120—121, рис. 59, 2; 60, 3.

²⁰ А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. ЭВ, XI, 1956, стр. 56, рис. 3.

²¹ Ю. Д. Баруздин. Находки на юге Киргизии. Сб.: «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)». Фрунзе, 1962, стр. 11—12, рис. 6.

²² А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи..., стр. 54—55, рис. 2.

²³ В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. СА, 1961, 3, стр. 256, рис. 4—5. Определение надписи сделано С. Г. Кляшторным.

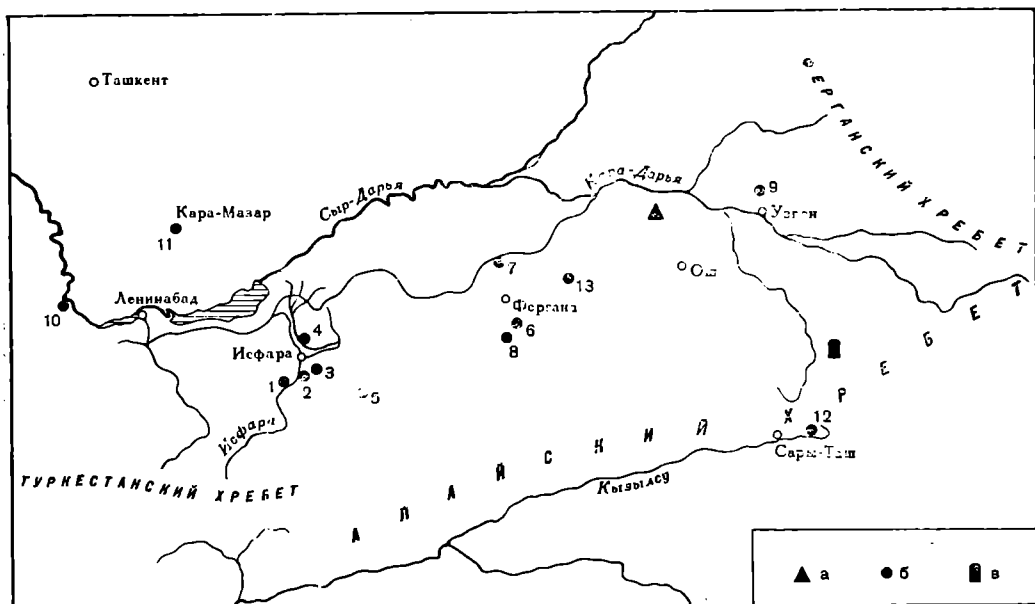

Рис. 2. Схема мест находок на территории Ферганской долины
а — остатки погребения в Дальверзине; б — рунические надписи; в — каменное изваяние в районе Гульчи

ный (рис. 1, 4); 10) небольшой сосудик (высотой 11,5 см) с нанесенными после обжига знаками. Сосудик с маленьким носиком изготовлен вручную и покрыт красным ангобом, что позволяет датировать его первыми веками нашей эры. К. В. Тревер высказала предположение, что надпись кушанская²⁴. К другому выводу пришел А. Н. Бернштам, который выделил две группы бесспорных рунических букв, а также арабскую надпись. Такое сочетание позволяет относить надписи ко времени не ранее начала VIII в.²⁵ Сосуд найден в зоне строительства Фархадской ГЭС возле Беговата в 1947 г.; 11) бронзовый перстень с четырьмя руническими знаками найден в одном из каменных склепов (мугхона), в горах Карамазара (надпись датируется концом V — первой половиной VII в.)²⁶; 12) стела с руноподобными знаками обнаружена в каменной оградке на могильнике Кара-Бейит, находящемся к востоку от сел. Сары-Таш по дороге на Иркештам. Захоронение в кургане датируется тюркским временем²⁷. По заключению И. А. Батманова, знаки напоминают буквы известной таласской палочки²⁸; 13) фрагмент чаши с четырьмя руническими знаками на закраине. Найдена в 1963 г. на городище Мыкты-Курган (на берегу р. Кува-Сай возле сел. Киркидон) в верхнем слое раскопа V на цитадели. Об этой находке сообщила Н. Г. Горбунова, которой приношу благодарность.

Если нанести все перечисленные пункты на карту, то можно получить наглядное представление о довольно широком распространении древнетюркской руники в Фергане (рис. 2). Они встречены в западной части долины (Фархадская ГЭС, Карамазар) и на востоке (Шурабашат), но большинство находок происходит из долины Исфары и района г. Ферга-

²⁴ С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. ИАН УзССР, 1948, 5, стр. 77—78, рис. 4. В статье приведено определение К. В. Тревер надписи как кушанской.

²⁵ А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи..., стр. 55, рис. 1.

²⁶ С. Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. ТИИАЭ АН ТаджССР, СIII, 1959, стр. 167—168.

²⁷ Ю. Д. Баруздин. Находки..., стр. 13, рис. 7.

²⁸ И. А. Батманов. Новые тексты. Сб.: «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)», стр. 20.

ны в южной части долины. Надписи исполнены преимущественно на больших глиняных сосудах (хумах), типичных для утвари оседло-земледельческого населения. Почти все они сделаны до обжига сосудов в процессе изготовления и, следовательно, надписывались гончарами. Отсюда можно сделать заключение, что древнетюркское письмо было известно земледельческому населению.

По палеографическим особенностям эти надписи на керамике близки друг к другу и могут быть объединены в группу, которую следует относить к «классическому» периоду развития рунической письменности — VII—VIII вв.²⁹ Большой интерес представляет надпись на бронзовом перстне, который принадлежал представителю кочевого населения. Она является одной из наиболее ранних в древнетюркской эпиграфике. Только на одном сосуде (Фархадская ГЭС) надпись сделана после обжига и значительно позднее его изготовления.

Перечисленные находки служат бесспорным свидетельством распространения тюркского языка и письма среди населения Ферганы в VI—VIII вв. Известно, что в Средней Азии памятники рунического письма выявлены только в Семиречье и Фергане, не считая документа из замка на горе Муг, относительно языка которого С. Е. Малов высказал сомнения³⁰. Находки в этих областях имеют особое значение в связи с проблемой происхождения руники. На большое значение семиреченских памятников в истории рунического письма указывал С. В. Киселев: «...Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI—VII вв. занятое западными ту-гю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособившей арамейский алфавит к тюркской речи»³¹.

Принимая во внимание многочисленность эпиграфических находок в Фергане, можно предполагать, что не только Семиречье, но и другие соседние с ним районы, в частности Фергана, сыграли известную роль в истории древнетюркской письменности. Таким образом, археологические и эпиграфические данные свидетельствуют о наличии тюркоязычного населения в Фергане в VI—VIII вв., что раньше было известно только из скудных сообщений письменных источников.

²⁹ С. Г. Кляшторный. Ук. соч., стр. 168.

³⁰ А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. ЭВ, V, 1951; см. рец. С. Е. Малова на А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. ИАН СССР, отд. лит. и яз., XIII, 1954, 2, стр. 197.

³¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 610.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

ГРАФФИТИ ЗОЛОТЫХ ВОРОТ В КИЕВЕ

Развалины Золотых ворот в Киеве, сооруженных в 1037 г., и ныне представляют значительный интерес для изучения.

Летом 1962 г. во время архитектурно-археологического обследования руин Золотых ворот¹ автором настоящей заметки была произведена фотофиксация сохранившихся фрагментов древнерусских граффити, известных лишь узкому кругу киевских историков и археологов.

Уцелевшие граффити находятся внутри проезда ворот, в углу, образованном западной стеной и первой с севера пилястрой² (рис. 1). Фрагменты записей и рисунки начерчены по известково-цемяночному раствору площадью около 20 дм², сохранившемуся в указанном месте на высоте

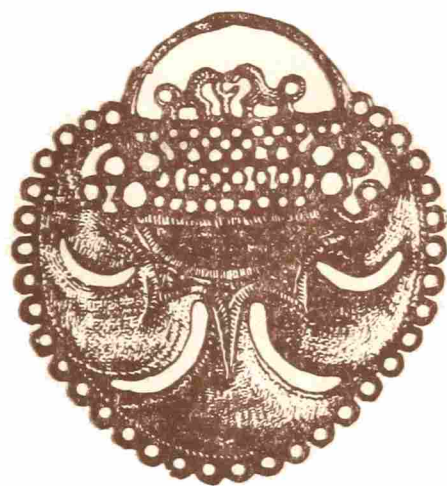
¹ Обследование было произведено научными сотрудниками Института теории и истории архитектуры АСИА УССР Ю. С. Асеевым и С. Высоцким.

² На восточной стене уцелел лишь единственный фрагмент надписи:

...тр—охмъ...

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3
1985

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

В южной части городища Темир-Коруг (в 50 км к юго-западу от г. Ош Киргизской ССР), по сообщению местного жителя Ю. Чалыбаева, в 1977 г. во время земляных работ им была найдена золотая фигурка птицы. Ю. Чалыбаев передал находку в Государственный Эрмитаж¹.

Фигурка птицы — объемная, с подвесками и узкими пластинчатыми крыльями (рис. 1). Она изготовлена из пасты, покрытой сверху тонкой золотой фольгой. Втулкой скульптурка насажена на круглый бронзовый стержень. Размеры в см: высота от верха крыла до низа подвесок — 6,2, длина крыльев — около 3,5, ширина по верху крыльев — 3. С обеих сторон головы и шеи имеются по две круглые, окаймленные зернью напайки для вставок камня. Аналогичное кольцевое гнездо с темно-синим камнем находится посередине груди. На боках — большие миндалевидные углубления — гнезда для вставок, также обрамленные зернью. Они изображают, очевидно, крылья, и птица имеет, следовательно, две пары крыльев. Плоский хвост расположен вертикально, вся поверхность его занята двумя прямоугольными выемками для вставок с зернью по краям. В левом нижнем гнезде сохранилась темно-зеленая вставка. Из шести подвесок до нас дошли пять. Одна из них прикреплена к клюву согнутой скобой из золотой проволоки и состоит из серповидной пластинки, к краям которой подвешены плоские кружки (диаметр 8 мм). На кружках-дисках имеются небольшие проволочные скобы для крепления. Аналогичная серповидная подвеска с тремя дисками привешена к хвосту птицы; боковые диски — ниже центрального. С левой стороны туловища сохранились две подвески, с правой — одна. Крылья птицы серповидно изогнуты и сделаны из тонкой пластинки. Поверхность их оформлена рельефными насечками наподобие пера. На затылке — два отверстия для крепления какого-то украшения. Между крыльями наверху выступает прямоугольная втулка, сзади (у основания хвоста) она скреплена скобой. Вдоль всей фигурки сверху и снизу проходит ровный шов соединения двух половинок тела птицы. Снизу они дополнительно соединены проволочными скобами.

Золотая фигурка птицы из Темир-Коруга — это первая находка украшения «звериного стиля» на территории Ферганской долины. Она, несомненно, имела культово-магическое значение и, возможно, связана с астральным культом. Фигурка вписывается в круг культовых предметов, распространенных в сакское и более позднее время в степях Евразии и памятниках Средней Азии. В кургане Иссык (Семиречье) V—IV вв. до н. э. имеется фигурка птицы без подвесок и вставок, которая венчает древо жизни на парадном головном уборе погребенного сакского вождя. Эта композиция образно представляет космогоническую структуру мира по представлениям древнеиранских племен [4, 5]. Сходные религиозно-мифологические воззрения отражены в женской короне и диадеме, найденных в княжеских погребениях в Тилля-тепе в Северном Афганистане и датированных по находкам монет I в. до н. э. — I в. н. э. [6]. Именно с этими ювелирными изделиями имеет наибольшее сходство ферганская птичка благодаря обилию тонких дисков — свободно свисающих и, должно быть, шумящих подвесок. На короне на изображении древа жизни помещены фигурки птиц.

Приведенные сопоставления позволяют определить функциональное назначение ферганской фигурки. Она по-видимому, также служила укра-

¹ Городище Темир-Коруг входит в комплекс археологических памятников у с. Янги-Наукат, состоящий из поселения и синхронного ему могильника. При раскопках исследованы участки застройки поселения, вскрыты скопления человеческих костей и более 80 погребений с бедным инвентарем (глиняные сосуды, единичные украшения). Погребальный обряд и состав находок относят памятник к кругу древностей земледельческого населения Ферганы первых веков нашей эры [1—3].

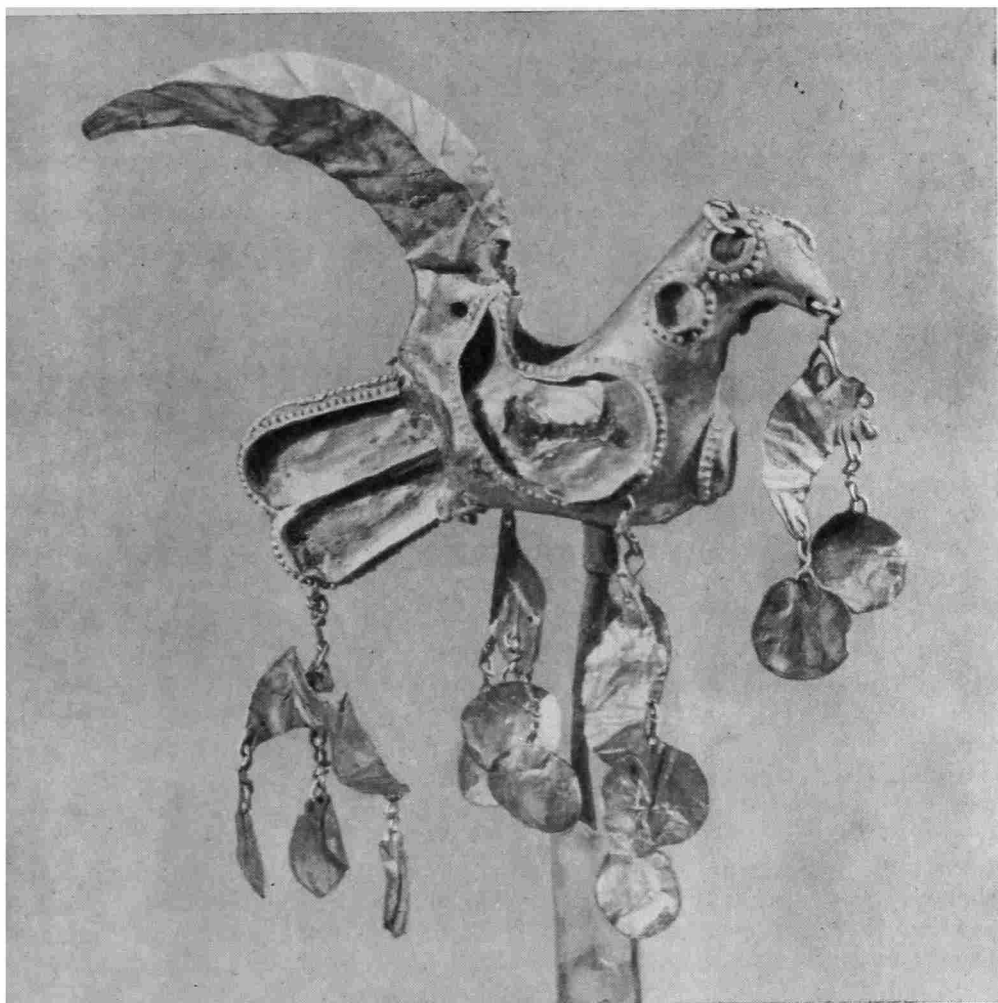

Рис. 1. Городище Темир-Коруг. Фигурка птицы (увеличено). Золото

шенем диадемы и, возможно, была связана с культовым представлением о древе жизни.

О популярности этого сюжета у земледельческого населения древней Ферганы свидетельствуют изображения на горшке из Кош-тепинского могильника в Южной Фергане [7, табл. V, 2]. Сосуд покрыт красным ангобом, по которому процарапаны изображения трех птиц между тремя деревьями. Птицы показаны в профиль и повернуты вправо, в сторону деревьев. Последние изображены схематично в виде елочки, ствол внизу завершается кружком. В птицах по ряду признаков можно усмотреть фазанов. Композиция в целом представляет как бы непрерывное шествие птиц в одну сторону.

Сцена «птица у дерева» связана с широко распространенными у древних народов представлениями о древе жизни — источнике бессмертия, плодородия и всего сущего, с идеей возрождения жизни. Видимо, не случайно горшок с этим изображением оказался в древнем захоронении. Находка в Кош-тепинском могильнике документирует распространение мифологических воззрений у земледельческого ираноязычного населения древней Ферганы, сходных во многом с культовыми представлениями кочевых, скотоводческих племен древности.

Кош-тепинский и Темир-Коругский могильники одновременны и принадлежат к одной культуре земледельцев древней Ферганы времени существования здесь Даваньского государства. Это подтверждается находками в обоих памятниках сосудов с процарапанным орнаментом. Такой прием украшения специфичен для культуры Ферганы только рубежа и первых веков нашей эры. Этим же временем следует датировать золотую фигурку птицы из Темир-Коруга.

1. *Заднепровский Ю. А.* Некрополь городища Темир-Коруг.— УСА, 1979, вып. 4.
2. *Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В.* Работы в Южной Киргизии.— АО-1977. М., 1978.
3. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983.
4. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М.: Наука, 1978.
5. *Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык).— КСИА, 1978, вып. 154.
6. *Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. П.* Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика.— КСИА, 1982, вып. 170.
7. *Жуков В. Д.* Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве БФК.— Тр. ИИА АН УзССР, 1951, т. IV.

ГРИШИН Ю. С.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗА И МЕСТНОЙ ЕГО ДОБЫЧЕ НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ (Прибайкалье)

В вышедшей в 1950 г. монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» А. П. Окладников, представляя абсолютную периодизацию археологических памятников этого региона, относил начало железного века здесь к III в. до н. э. [1, с. 139, табл. 8]. Исследователь имел в виду, очевидно, время широкого распространения железа, а не первоначальное его появление в Прибайкалье, так как в почти одновременно вышедшей «Истории Якутской АССР» он описывает кинжал с бронзовой рукоятью, украшенной стилизованными изображениями голов грифонов или зверей, и железным клинком, происходящий из окрестностей Киренска на Лене. Аналогии этому кинжалу А. П. Окладников находит среди западных степных кинжалов скифского времени. При этом исследователь допускал возможное импортное происхождение киренской находки [2, с. 190]. Следовательно, появление первых железных изделий в Прибайкалье может быть отнесено по мнению А. П. Окладникова, ко времени не позднее начала второй половины I тыс. до н. э.

На это же и даже более раннее время могли бы указать находки в Прибайкалье железных ножей с такими важнейшими карасукскими признаками формы, как коленчатость и наличие шипа при переходе от рукояти к лезвию [3, с. 211, рис. 1]. Однако ножи такого типа в восточных районах Сибири все же находятся в употреблении и в последующее время.

Более точное указание на этот счет могут дать изделия малоизвестного, хотя и опубликованного Отонконского клада. Клад найден близ с. Бирюльское, неподалеку от пос. Отонкон, в верховьях Лены (рис. 1). Этот клад¹ состоит почти исключительно из медно-бронзовых изделий, являющихся в основном принадлежностями конской сбруи [2, с. 159—160].

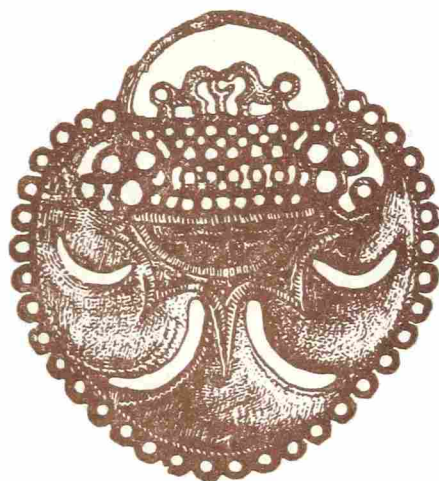
Состав клада весьма характерен: округлые петельные зеркала тагарского типа; круглый цилиндр с чередующимися вздугиями и сужениями (орнаментированными полосами горизонтальных полос), находящий аналогии среди материалов плиточных могил; парные гривастые изображения голов грифов, находящие аналогии в материалах пазырыкских курганов, в том числе фрагмент позднего сильно стилизованного их изображения, превращающегося уже в орнаментальный мотив; пуговицы с петлей-ушком; различного рода подвески и пронизки, нередко рубчатые, в форме цилиндра или полуцилиндра. Среди подвесок имеются отдельные усеченно-конусовидные и значительное число мелких кольчатых или полукруглых. Значительную часть клада составляют колокольчики с петелькой на конце, украшенные в основании тулова орнаментом из не-

¹ Хранится в ОИПК Государственного Эрмитажа, инв. № 1132.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1984

ШИГИН А. Е.

САРЫ-КУРГАН — КРЕПОСТЬ В ФЕРГАНЕ

Крепость Сары-курган относится к числу памятников, привлекавших внимание исследователей еще задолго до начала систематического археологического изучения Средней Азии. И это не случайно. Удивительная сохранность, обусловленная, видимо, особенностями климата этого района, в сочетании с удачным местоположением выделяют Сары-курган из числа аналогичных построек Ферганской долины. Раскопки такого памятника даже в весьма небольшом масштабе могли дать много интересных сведений в области строительной техники и особенно военной архитектуры Ферганы. Учитывая крайнюю фрагментарность подобных сведений для упомянутого района, результаты исследования были особенно важны.

Первое упоминание Сары-кургана в литературе относится к 1882 г. и сделано А. Ф. Миддендорфом, посетившим Фергану в 1878 г. Он дает схематическое описание памятника, считая его «останцом лёссового массива, некогда покрывавшего всю долину» [1, с. 182—183]. Из историков первым, чье внимание привлек Сары-курган, был В. В. Бартольд. Сопоставив маршруты, описываемые арабскими географами X в. Истахри, Ибн-Хаукаля и Макдиси с картой Ферганы, он пришел к выводу о возможности отождествления упоминаемого ими города Соха с селением Сары-курган [2, с. 214].

В 1913 г. А. Д. Петров, исследовавший этот район, натолкнулся на развалины крепости у кишлака Сары-курган, что дало основание Л. Зимину, опубликовавшему в 1914 г. заметку «Историческая справка о древнем Сохе», с уверенностью говорить о тождестве Соха и Сары-кургана [3]. А. Д. Петров впервые дает подробное описание памятника, окружающей его местности и упоминает о множестве глиняных черепков и кусках жженого кирпича, найденных на верхней площадке укрепления [4].

В 1930 г. Б. А. Латынин в составе экспедиции Среднеазиатского музея истории и истории революции посетил памятник, подробно описал его и высказал предположение о возможной связи Сары-кургана с сохской оросительной системой [5].

В 1939 г. в связи с созданием экспедиции по археологическому надзору на строительстве трассы Большого Ферганского канала Сары-курган осмотрели М. Е. Массон и Я. Г. Гулямов, которые сняли первый план укрепления и ориентировочно датировали его II в. до н. э. [6].

В 1974 г. Ферганская экспедиция Эрмитажа (начальник Н. Г. Горбунова) в ходе работ по составлению археологической карты Ферганской области вновь обратилась к этому интересному памятнику, расположенному на западной окраине кишлака Сары-курган, примерно в 25 км к югу от г. Коканда, на правом берегу р. Сох.

Сооружение имеет подквадратную форму, фасады ориентированы по сторонам света (рис. 1). Приблизительные размеры верхней площадки 60×60 м. По периметру расположены останцы пяти башен: четырех по углам и одной в середине восточного фасада. Остатки такой же башни видны и на западном фасаде, но эта часть сильно подмыта протекающим у подножия памятника саем. В образовавшемся в результате этого «разреze» можно видеть, что укрепление построено из сырцовых кирпичей размером 50×32×10 см, скрепленных толстыми слоями раствора. Кладка состоит из чередования тычковых и ложковых рядов. Стены имеют небольшой откос (10—12°). Снаружи эта кирпичная конструкция облицована пахсовыми блоками. Высота стен крепости 10—12 м. Лучше дру-

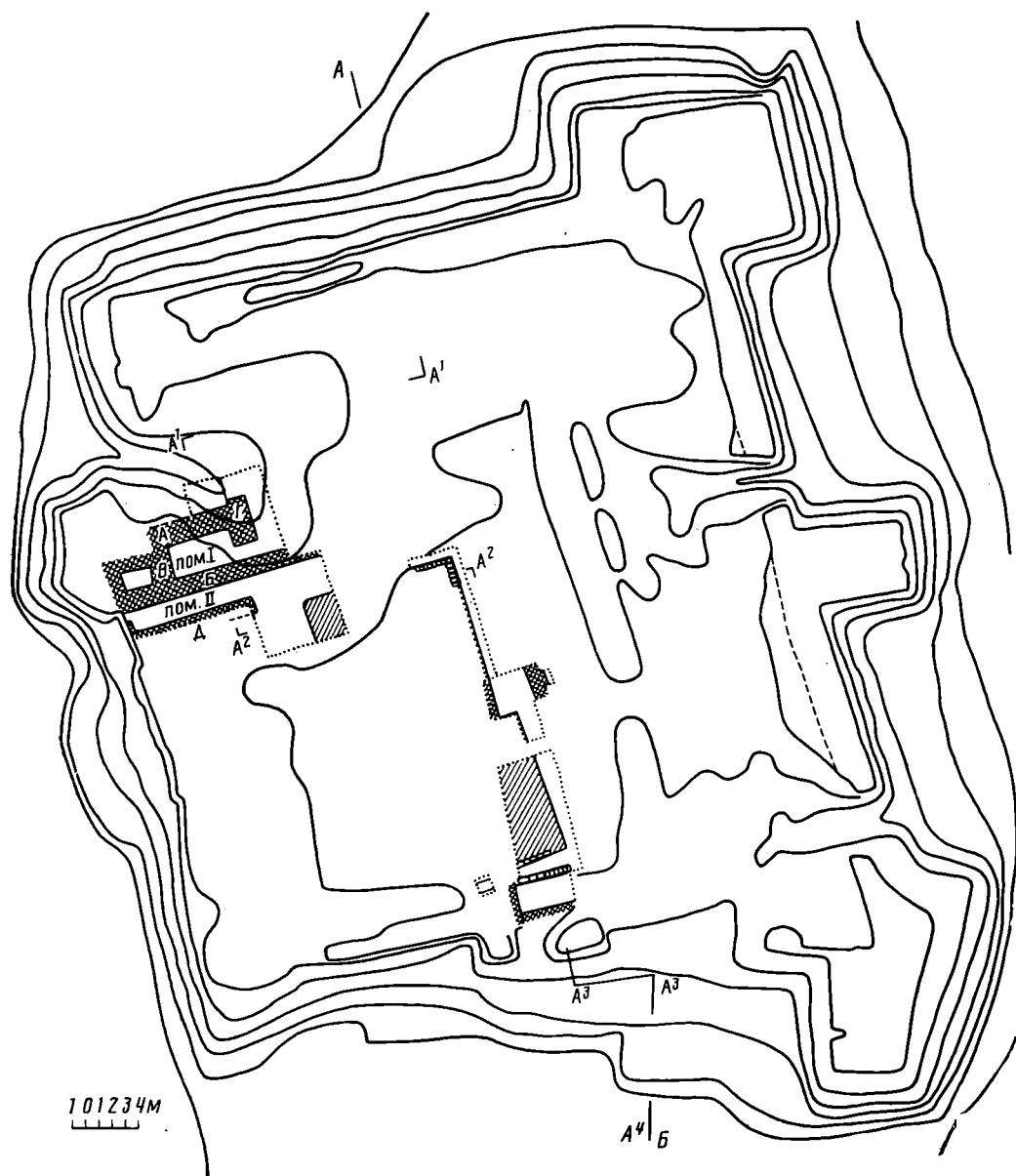

Рис. 1. Сары-курган, план

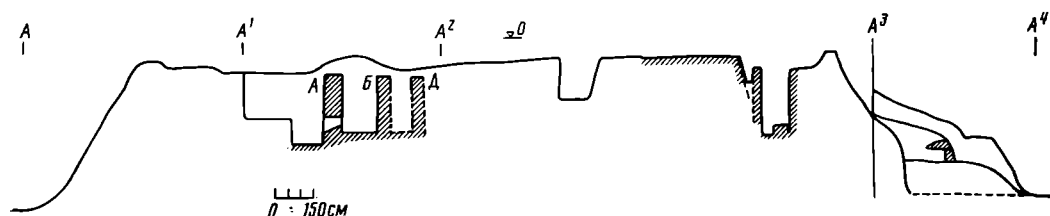

Рис. 2. Разрез по линии север — юг

гих сохранились восточный и северный фасады, где можно наблюдать малоповрежденный пахсовый панцирь и массивные, в форме усеченных пирамид башни. Южный фасад сильно поврежден, и в нагромождении рухнувших конструкций с трудом можно уловить очертания некогда существовавшей в юго-восточном углу башни. В некоторых местах в восточном и западном фасадах вырублено несколько ходов, ведущих в глубь кладки. Один из них имеет в длину около 15 м и прорезает монолитную основу крепости, выполненную методом пристройки друг к другу слоев кирпичной кладки толщиной 2—3 м каждый. Обращает на себя внимание

также и различие в материале, из которого, несмотря на стандартный размер, изготавливались кирпичи: внешние кладки возведены из высокосортовой лёссовой глины интенсивного желтого цвета; подобная земля в окрестностях Сары-кургана встречается очень редко; внутренние же кирпичные конструкции построены из обычного местного грунта — сероватого, с примесью песка.

Верхняя площадка укрепления имеет ровную поверхность с незначительными понижениями вдоль южного и восточного фасадов. По всей площади лежат большие скопления камней, а в некоторых местах (главным образом на башнях) и камыша — перекрытия поздних построек. Местами вдоль северного и восточного фасадов сохранились остатки стен, по-видимому окружавших платформу сверху. Высота их 2—2,5 м. При их возведении использовались гувальки и камни средних размеров, уложенные в основании. Подобный строительный прием широко распространен в современных постройках Ферганской долины, и эти стены скорее всего были возведены сравнительно недавно.

Примерно в 300 м к востоку от крепости, на территории современного кладбища, расположены остатки поселения, впервые отмеченного Я. Г. Гулямовым в 1939 г. [6, с. 102—104]. О нем можно судить теперь лишь по находкам отдельных фрагментов красноангобированной посуды в выбросах могил.

Ввиду особого положения, занимаемого крепостью в районе, вопрос о времени ее сооружения и функционирования представлял большой интерес. Предложенные ранее даты требовали уточнений. Все это делало необходимым проведение археологических раскопок памятника.

Работы велись в течение двух сезонов. Было заложено два раскопа: раскоп I — в южной части верхней площадки, примерно в 6 м от ее края; раскоп II — в северо-западном углу крепости, где различия в окраске грунта позволяли предполагать наличие построек.

В результате работ в раскопе I была открыта платформа размером 16×11 м, огражденная кирпичной стеной. Платформа занимает всю юго-западную часть памятника и была возведена на глинобитном фундаменте, открытом на глубине 4 м. При строительстве использовались сырцовые кирпичи 60×35×10 см. Заполнение пространства, прилегающего к стене и платформе, состояло из натечно-надувных отложений с включениями разложившихся строительных остатков и конструкций (рис. 2).

В раскопе II вскрыто два помещения. Помещение I, размерами 5,2×2,9 м, вытянуто по линии запад — восток. В восточной стене — проход шириной 1,4 м. Стены, сохранившиеся на высоту 3,5 м, возведены из сырцовых кирпичей 50×32×10 см путем чередования тычковых и ложковых рядов. В южной стене на глубине 2,5 м в кирпичах укреплен горизонтально расположенная балка толщиной 10—15 см и длиной 3 м, частично скрытая штукатуркой. Ниже вырезаны две овальные ниши и очаг с сильно закопченным дымоходом. Кроме того, к стене почти на всю ее длину пристроен глиняный заком размерами 4,9×0,8×0,4 м. В полу помещения, почти в центре, вкопан хум. В противоположной стене в два ряда в шахматном порядке расположены пять бойниц размером 50×20 см. Верхний ряд бойниц лежит на высоте 1 м от пола. На полу найдены кости животных (главным образом барана) и несколько фрагментов красноангобированной керамики.

Всего в помещении было зафиксировано три жилых уровня (пол с очагом, пол с венчиком хума, пол с закомом), что позволяет представить последовательность жизни здесь в следующем виде: вначале были возведены стены с бойницами, нишами и очагом; затем бойницы были замурованы и в пол под ними был вкопан хум, и в последний период пристроен заком вдоль южной стены. Впоследствии помещение было забутовано кирпичами.

Поскольку стена с бойницами не являлась внешней стеной крепости в современном ее виде, а снаружи к ней примыкали многометровые кирпичные и пахсовые кладки, становилось очевидным, что раскопанное помещение — часть ранней постройки, впоследствии перестроенной и зна-

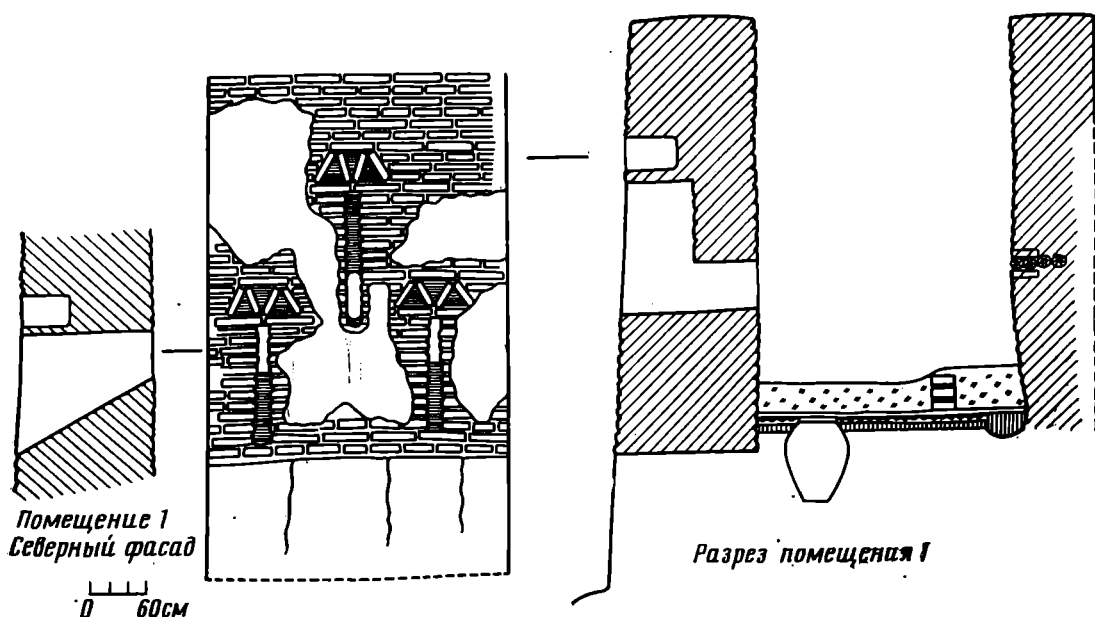

Рис. 3. Разрез помещения I и общий вид раскопанной части фасада с бойницами

чительно увеличенной в размере, так что первоначальное ядро оказалось со всех сторон обнесено более поздними кладками. После расчистки участка древнего фасада это подтвердилось. Как и внутри помещения, на фасаде бойницы расположены в два ряда, но снаружи их высота около 2 м. Увеличение размера бойниц достигалось в одном случае при помощи уступа в их верхней части, который делался примерно на середине толщины стены, или при помощи скошенного ложа, как это сделано в бойницах нижнего ряда. Верхняя часть всех бойниц оформлена в виде равнобедренной трапеции, разделенной на треугольники двумя поставленными на ребро кирпичами, соединяющими верхние углы трапеции с серединой основания (рис. 3).

Сразу же под нижними бойницами (глубина 3,8 м) кирпичная стена переходит в паховый фундамент, стоящий на материке. Высота фундамента 1,5 м.

Помещение II находится за южной стеной помещения I. Раскопано не полностью. Длинное коридорообразное помещение размерами $11 \times 1,8$ м вскрыто до глубины 1,2 м. Стены покрыты штукатуркой очень хорошей сохранности. Местами штукатурка сильно обожжена. Помещение забутовано кирпичами. Исходя из размеров помещений и особенностей рельефа верхней площадки Сары-курмана, можно считать, что ранняя крепость занимала около трети современной ее площади.

На материалах исследованного участка история строительства крепости Сары-курман представляется нам в следующем виде: на четырехметровом естественном холме возводится сравнительно небольшая (около 20×25 м), хорошо укрепленная крепость с высокими стенами и мощными бойницами. Она возвышалась над окружающей местностью более чем на 10 м. Через некоторое и, судя по хорошей сохранности ранних стен и отсутствию следов запустения, весьма короткое время крепость перестает выполнять свои военные функции и используется просто для жилья. Это хорошо видно на примере помещения I. Бойницы изнутри забиваются камнями и землей, в пол под ними вкапывается хум. Многочисленные следы огня на стенах позволяют предположить, что жизнь на данном этапе была прекращена в результате сильного пожара.

Следующий этап связан со строительной деятельностью после пожара. Облик крепости совершенно меняется. Все ее помещения забутовываются, и сама она попадает в массив нового укрепления, площадь которого в 3 раза превышает первоначальную. На образовавшемся в результате этого

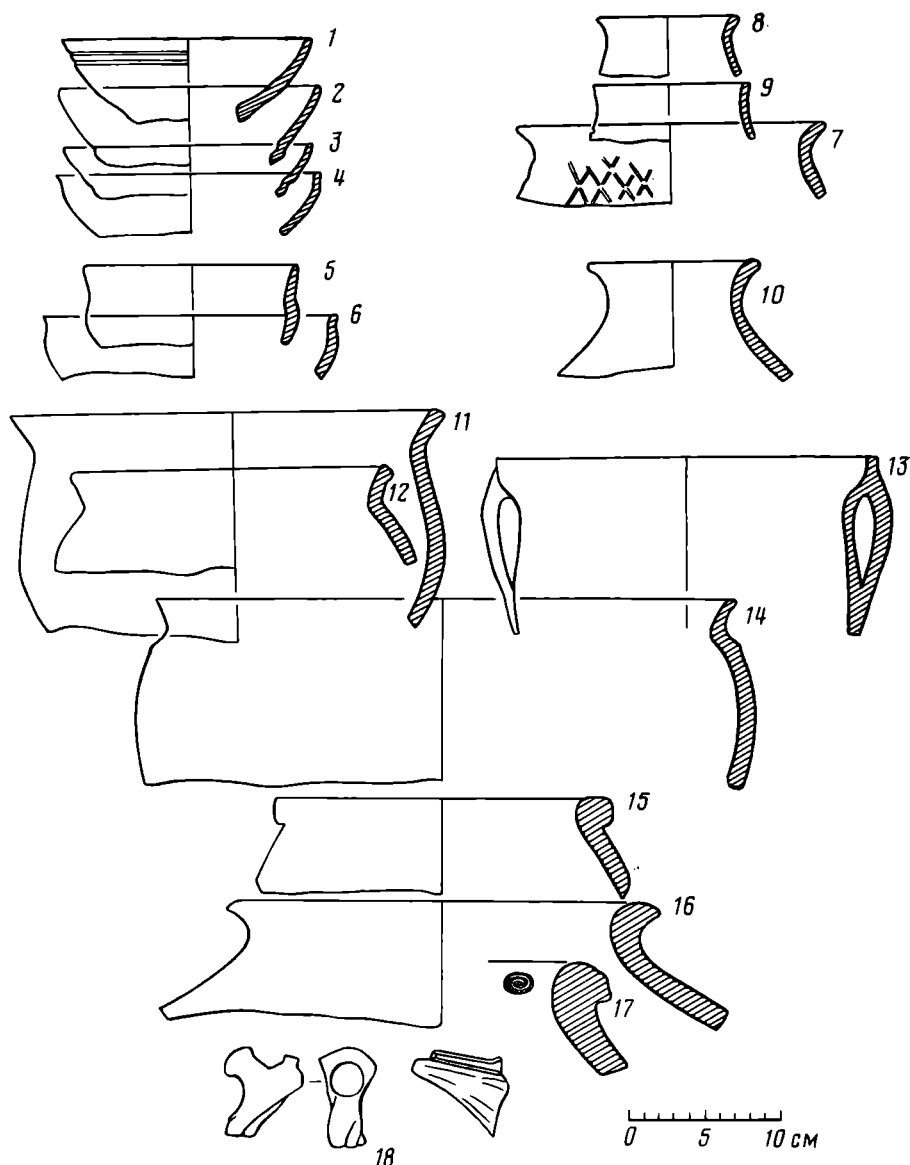

Рис. 4. Керамика

монолитном, чрезвычайно внушительном основании и размещались, видимо, постройки этого периода, до нас, к сожалению, не дошедшие.

Налицо три четко выделяющихся этапа: крепость со сравнительно тонкими (1–1,2 м) стенами, возведенная на невысоком пахсовом фундаменте; гражданская постройка чисто жилого характера и снова крепость, но уже совершенно иного вида.

Материальные находки немногочисленны и представлены главным образом небольшим количеством керамики, среди которой значительную часть составляют фрагменты красноангобированной посуды. Почти вся она происходит из верхнего слоя, состоящего из сильно перемешанных отложений (рис. 4). Это тонкостенная керамика из хорошо отмученной глины ровного обжига. Ангоб красный и коричневый. Фрагменты принадлежат в основном сосудам типа чаш или мисок с перегибом бортика (рис. 4, 1–6). На полу помещения I найден фрагмент красноангобированного горшка с процарапанным на плечиках геометрическим орнаментом (рис. 4, 7).

К неангобированной посуде относятся фрагменты кувшинов с низким и широким горлом, а также тонкостенные горшочки с невысоким горлом, плавно переходящим в тулово (рис. 4, 8–10).

Лепную посуду составляют хумы, котлы и корчаги. Хумы представлены единичными фрагментами венчиков и одним целым сосудом из помещения I. Венчики в сечении подтреугольные и подчетыреугольные. На одном с внутренней стороны клеймо в виде спирали диаметром 18 мм (рис. 4, 17). О корчагах можно судить по фрагментам венчиков двух сосудов с невысоким горлом, плавно переходящим в сферическое тулово (рис. 4, 15, 16). У одного сосуда он четко профилирован и украшен волнообразными вдавлениями по внешнему краю.

Лепные котлы более многочисленны. Выполнены все из серой огнеупорной глины с обильными белыми вкраплениями. Диаметр венчиков от 20 до 40 см, они в большинстве случаев невысокие (1,5–2 см), слегка отогнутые наружу (рис. 4, 11–14). Особую группу составляют фрагменты кувшинов с оттянутым сливом, а также ручки, выполненные из скрученных полос глины с цилиндрическим налепом в верхней части (рис. 4, 18). Такая керамика находит близкие аналогии в материалах из верхнего слоя Пенджикента, датируемых VII–VIII вв. н. э. [7, с. 124; 8, с. 190]. Встречается также на ряде ферганских памятников (Ак-Тепе, Мыкты-курган, Муг-пошо, Чун-Тепе) [9]. Следует упомянуть также некоторое количество фрагментов кувшинов со следами черных и темно-коричневых ангобных потеков. Отдельные фрагменты этой посуды аналогичны керамике культуры Каунчи [10, с. 54]. Кроме того, на поверхности крепости найдено большое число фрагментов поливной посуды голубоватых и синих тонов, типичной для XIX в., множество костей животных, несколько пряслиц и сурьматаш. Таким образом, материал хронологически весьма неоднороден и легко может быть расчленен на две группы. К первой относится вся красноангобированная посуда и керамика типа Каунчи, а ко второй — фрагменты кувшинов и мисок VII–VIII вв.

Конечно, в силу своей немногочисленности ни одна из приведенных категорий керамики не дает бесспорных оснований для датировки памятника. Наличие красноангобированной посуды первых веков нашей эры [11, с. 121; 12, с. 138] и полное отсутствие материалов позднее VIII в. в целом позволяет поместить Сары-курган в этот интервал, но дата эта условна и в дальнейшем потребует уточнения.

Сейчас у нас еще нет достаточного количества данных, позволивших бы с уверенностью говорить о назначении памятника. Единственное, что не вызывает сомнений, — это связь Сары-кургана с сохским ирригационным веером. Местонахождение крепости позволяет допустить, что Сары-курган, подобно Калаи-боло в Исфаринской долине [13, с. 83], Шош-Тепе на Карадарье [14, с. 22, 23] и Караул-Тепе на Кувасае [15, с. 26], был построен для контроля и охраны оросительной системы и охватываемого ею района поливных земель. На это уже указывал Б. А. Латынин [15, с. 26]. Ключевое положение, занимаемое крепостью, вероятно, и было одной из основных причин того особого внимания, которое было уделено ее обороноспособности. Мощные бойницы, расположенные близко одна от другой, обеспечивали сплошную полосу обстрела пространства, непосредственно прилегающего к стенам. Наклонные ложа нижних бойниц, кроме того, позволяли вести эффективный подошвенный обстрел. Эти приемы широко известны в архитектуре оборонительных сооружений [16, с. 59; 17, с. 44]. Бойницы такого размера в сочетании с необычным приемом оформления их верхней части не известны нигде в Средней Азии. Несомненно, они продолжают широко распространенную в среднеазиатской архитектуре традицию стреловидных бойниц, известных в том числе и на ряде ферганских крепостей [18, с. 107–116], но здесь она получила несколько иное исполнение. Подобная кладка из кирпичей, поставленных на ребро, известна на крепости Каахка в Южном Таджикистане [19, с. 54] и на соседнем с Сары-курганом Калаи-боло [13, с. 83], где мы также встречаем и пример укрепления кладки деревянными балками, положенными внутри стены в виде сплошного горизонтального настила. Обращает на себя внимание и очень близкий размер кирпичей, применявшихся при возведении Сары-кургана и построек первого периода Калаи-боло

(50×32×10 см). В целом нельзя не отметить удивительное сходство этих двух памятников. Сходство это скорее всего продиктовано аналогичными условиями, в которых возводились обе крепости. Оно нашло выражение в целом ряде признаков (выбор места для возведения, сходные строительные материалы и элементы конструкций, одновременное прекращение жизни в постройке первого периода и т. д.). Но если жизнь в Сары-кургане прекратилась в VIII в., то Калаи-боло продолжает существовать еще два столетия как резиденция правителя района [13, с. 100].

Немногочисленные письменные источники отмечают крайнюю нестабильность политической обстановки в Фергане в первой половине — середине I тысячелетия н. э. [20, с. 294—300], что не могло не сказаться на характере оборонительных сооружений. При почти полном отсутствии письменных источников крепостная архитектура становится весьма ценным материалом для реконструкции событий изучаемого времени. К сожалению, небольшой объем раскопок, носивших разведочный характер, и отсутствие точного датирующего материала для каждого из периодов жизни крепости Сары-курган не позволяют пока связать их с конкретными событиями. С наибольшей долей вероятности можно лишь предположить, что последний этап, отмеченный усилением строительной деятельности и датируемый керамикой VIII в., связан с приходом в Фергану арабов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. Спб., 1882.
2. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Собр. соч. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
3. Зимин Л. Историческая справка о древнем Сохе.— ПТКЛА, 1914, т. 18.
4. Петров А. Д. Развалины Муг-тепе у селения Сары-курган.— ПТКЛА, 1914, т. 18.
5. Латынин Б. А. Дневник Ферганской экспедиции 1930 г.— Архив ЛОИА АН СССР, № 180/1930.
6. Гулямов Я. Г. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, 1951, т. VI.
7. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Педжикента.— МИА, 1964, № 124.
8. Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VI—VII вв.— ТГЭ, 1961, т. V.
9. Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы.— УСА, 1979, вып. 4.
10. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи.— ТХЭ, 1973, т. VII.
11. Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке.— КСИА, 1966, вып. 108.
12. Горбунова Н. Г. Раскопки поселений Ферганы первых веков нашей эры.— ТГЭ, 1979, т. XX.
13. Давидович Е. А. Раскопки замка Калаи-боло.— МИА, 1958, № 66.
14. Жуков В. Д. Археологические работы на трассе Южного Ферганского канала.— Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10.
15. Латынин Б. А. Некоторые результаты работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСБ.ГЭ, 1961, вып. 3.
16. Шперк В. Ф. История фортификации. Т. I, М., 1948.
17. Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2.
18. Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры.— СА, 1977, № 3.
19. Бабаев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душанбе: Дониш, 1973.
20. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

A. E. Shigin

SARY-KURGAN — A FORTRESS IN FERGHANA

Summary

In the 1974 and 1975 field seasons the State Hermitage Ferghana Archaeological Expedition studied a part of Sary-Kurgan fortress, 25 km to the south of Kokand, on the right bank of the Sokh River. These studies have revealed the fact that the fortress had emerged from a small castle placed on a natural eminence. Its walls had two-tiered embrasures of a specific form. Soon after the fortress had been built it ceased to be a defensive construction and became a dwelling. Fire traces on the walls point to the reason why the building was abandoned. All rooms of the earlier building were backfilled and the castle become part of the brickwork of a new fortress three times bigger than the preceding one. On the whole, the life in the fortress is dated between the first centuries A. D. and the 8th century A. D. on the strength of ceramic evidence.